

КАЛИНИНГРАДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛИТИЯ

В статье рассматривается специфика становления и организации государственной системы заготовок продуктов сельского хозяйства в 1946–1956 гг. на территории Калининградской области, заселявшейся после Второй мировой войны переселенцами из центральных областей РСФСР.

Ключевые слова: аграрная история России второй половины XX в., сельское хозяйство, колхозы, фискальная политика, система государственных заготовок, Калининградская область.

Система заготовок «апогея сталинизма», во многом унаследованная от эпохи коллективизации, традиционно воспринимается как комплекс жестких мероприятий, обеспечивавших изъятие у крестьян-колхозников, работников совхозов продовольствия, сырья и фуража по ценам, которые никак не компенсировали трудозатрат и, уж тем более, не могли стимулировать их производить больше продукции для подобной реализации. Не будучи прямой формой налогообложения, обязательные поставки, государственные закупки, плановые объемы которых были обязательны для исполнения, натуроплата за работу машинно-тракторных станций (МТС), различные формы децентрализованных закупок по «предельно-закупочным» ценам — все это должно было заставить эффективно работать на благо государства каждый гектар сельхозугодий, каждого трудоспособного селянина. Подходить ко всем сельским труженикам с единой меркой государство не могло: в послевоенные годы отдельные регионы в разной степени были затронуты войной, да и на уровне отдельных колхозов и даже дворов должен был проявляться дифференцированный подход. Однако те же условия послевоенного восстановления хозяйства требовали всестороннего учета всех элементов хозяйств, производивших продовольствие: рано или поздно все земледельцы и скотоводы должны были внести свой посильный вклад в госзаготовки.

Свою специфику имела и Калининградская область, образованная на территории бывших германских земель в 1946 г. и заселенная сельскими жителями центральных областей РСФСР и Белорусской ССР.

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, Калининград.

Процесс заселения представлял собой централизованную отправку эшелонов с завербовавшимися людьми и их распределение по сельским районам, которые предстояло обживать. Прибывавшие переселенцы освобождались от сельхозналогов на трехлетний срок, получали ссуды на строительство и ремонт жилья, обзаведение коровами [2, с. 76]. Сам процесс обустройства сопровождался немалыми трудностями. Жилищный фонд постепенно освобождался от немецкого населения, однако качество его было различным, да и постоянно прибывавшее население требовало уплотнения. Вдобавок ко всему, для Восточной Пруссии была характерна хуторская система расселения, что явно не вязалось с основанным на системе крупных усадеб колхозно-совхозным строем, да и просто было неудобно, когда на работу надо было добираться с десятков километров [1, с. 15].

Не могло не добавлять хлопот и соседство с военными, которым принадлежал естественный приоритет в выборе и лучшего жилья для обустройства [2, с. 187], и сохранившихся помещичьих усадеб для организации подсобных хозяйств – военхозов (превратившихся потом в совхозы). Незнание местных почвенно-климатических особенностей, а также условий мелиоративного обустройства местности (что-то было разрушено войной, а что-то и перепахано по незнанию) создавало дополнительные сложности.

Вместе с тем, присутствовало и стремление власти поскорее получить отдачу от появлявшихся колхозов, совхозов и подсобных хозяйств, в том числе и с целью обеспечить продовольствием заселявшиеся города и значительный контингент военнослужащих на территории области.

Серьезность намерений подтверждается тем, что уполномоченный министерства заготовок по Калининградской области (К.И. Беляев) вступил в должность уже 13 августа 1946 г. – через несколько недель после прибытия первого переселенческого эшелона². Такая поспешность, когда заготовители появляются почти одновременно с потенциальными клиентами, объяснялась тем, что уполминзаги – это не только своего рода налоговики, взимавшие натуральные продукты. Они – необходимое звено в системе создания продовольственных резервов и обеспечения городского населения, а также представители органов, которым поручена отчетность за общее состояние продовольственного снабжения.

Судя по сохранившимся документам, штат аппарата облуполномоченного изначально был небольшим. В фондах Калининградского областного архива сохранились приказы за первые годы его деятельности, которые имеют сплошную нумерацию: здесь и информация по

² Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

основной деятельности, и прием технического персонала, и указание на сроки и место проводимого отпуска. В этом отношении показательны приказы за 1946 г.: определить оклад руководителю в 600 руб. в месяц (при том, что у начальника военного отдела – 1200 руб.), запретить тратить внелимитные средства на автотранспорт (куплена машина за 13 тыс. руб. вместо 10 тыс. и попала в аварию, не доехав до Калининграда), завести дело на сбежавшую в Краснодар из новой области секретаршу. Но были и требования разобраться, почему отведенные квартиры рядом с мельницей не отгорожены от запасов хлеба (что провоцирует регулярные хищения в пределах 3–14 кг на одного пойманного), почему рядом с этими запасами – лагерь на 87 военнопленных. Ну, и политическое дело – на мельнице Заготзерна 27 ноября произошел пожар (присутствовавшие в штате кочегары немцы вывели из строя паровой котел 7 ноября)³. Словом, обычное учреждение без какой-то специфики.

Однако уже в 1947 г., несмотря на освобождение новоселов от налогов, начала формироваться сама система заготовок. Обустроившиеся на новом месте селяне получили обязательства о поставках молока. Постановление об этом вышло уже 10 февраля. С коровы, принадлежащей колхозам, взималось по 500 л, колхозному двору – 240 л, единоличному хозяйству (которых в Калининградской области вообще не было) – 280 л, городским жителям – 120 л. Рабочие и служащие от налога на 1947 и 1948 гг. были освобождены, а на коров первого отела утверждена половинная ставка. Для совхозов установлен не только план в 350 л, но и базовая жирность в 3,5 %⁴.

Выполнение плана сбора молока в счет госпоставок в I квартале составило по совхозам 25 %, по колхозным дворам – 7 %, а по колхозам – лишь 2,3 %⁵. Ряд районов не приступил к заготовкам и 1 мая. Отчасти это связано с отсутствием приемных пунктов. Решение о разрывании их сети было принято лишь в мае. В связи с этим рекомендовалась сдача масла вместо молока. Грозные приказы о «разбазировании» молока на внутривозрастные нужды, «покрытие антигосударственной практики недоучета коров», первое уголовное дело на райуполнминзага, заведенное уже в октябре 1947 г. совмещаются с разъяснительной работой. Переселенцам объясняли, что молоко – единственная облагаемая у них статья доходов, и по ответственному отношению к его заготовке должны делаться далеко идущие выводы⁶. С 1948 г. колхозы и колхозники начали получать извещения на обяза-

³ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 42, 53.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 72.

⁶ Там же. Л. 62, 69, 83, 198.

тельные поставки молока с каждой имеющейся коровы из расчета первый год (после переселения) — 50 % от установленной нормы, второй — 75 %, начиная с третьего — по полной ставке⁷.

Отчетность уполнминзага показывает, что в 1947 г. дело не ограничивалось только молоком. Уже летом была налажена система получения гарнцевого сбора (с помола зерна на государственных мельницах). План по гарнцу разверстывался по районам. За его выполнение строго следили. В 1949 г. мы встречаем ежемесячные приказы уполнминзага о ходе сбора гарнца⁸. Однако столь усиленное внимание (по сравнению с заготовками зерна) не случайно: сбор проще отследить, хотя очень трудно обеспечить. Убежденность, что если у колхозника или рабочего совхоза есть зерно, то он где-то должен его молотить, породила уверенность, что делать он это должен на государственной мельнице. Однако все, похожее на мельницы и пригодное для этой цели, трудно было учесть (многое осталось от немцев), появились приказы об обнаружении десятков подобных неучтенных агрегатов на район⁹. Но при этом уполнминзаг обязывал мельницы треста Главмука перерабатывать «давальческое зерно»¹⁰ (ссуды, которые давали переселенцам в качестве подъемных и с которых гарнцевый сбор не взимался). Однако с 1951 г. гарнцевый сбор из приказов уполнминзага исчезает, как будто его и не было.

Гарнцевый сбор не мог дать большого количества хлеба, поэтому с августа 1947 г. вводится план по заготовкам собственно хлеба. План небольшой — 125 тыс. ц, но за его сбором была установлена строгая подекадная отчетность, включавшая поступления по возврату ссуд, натуроплату колхозами, обязательную продажу совхозами и подсобными хозяйствами, а также гарнцевый сбор¹¹. К 10 октября план был выполнен на 104 %, однако колхозы до установленных им показателей не дотянули (88 %), не все полученное по ссудам вернули и колхозники (94 %), гарнца собрали лишь 42 %, совхозы и подсобные хозяйства перевыполнили плановые заготовки на 20 %¹². Роль подсобных хозяйств предприятий была далеко не вспомогательная — плановые задания распространялись на такие учреждения, как Вагонзавод, Балтгосрыбтрест, аэропорт, райисполкомы, не говоря уже о дрожжевых и спиртовых заводах¹³.

⁷ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 7. Л. 67.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 1, 17, 32, 46.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 151–152.

¹⁰ Там же. Л. 244.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 5–5 об.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 15–17.

Еще один вид деятельности, контролируемый облуполнминзагом — это «децентрализованные закупки». Летом 1947 г. появляется приказ об установлении предельно-закупочных цен на огородную продукцию и дикорастущую зелень¹⁴. Не нужно быть провидцами, чтобы не понимать, что смородину и крыжовник переселенцы вряд ли успели бы посадить, а сбором трав заниматься было некогда. Децентрализованной заготовке также подлежали зерно, мясо, грибы (их сбор возлагался на районные отделы рабочего снабжения). Представить себе масштабы децентрализованных заготовок трудно, но рискнем предположить, что когда вокруг немало и военных заготовителей, да и таких же искателей удачи от подсобных хозяйств, то проявлять сознательность и сдавать что-либо по предельно-закупочным ценам, мягко говоря, не рационально. Еще один специфический конкурент у госзаготовителей — агенты из Литвы. Специальным приказом облуполнминзага запрещалась продажа кожи представителям Вильнюсской кожзаготовительной конторы¹⁵. Вообще-то их и не должно было быть с учетом режимного порядка въезда в Калининградскую область, но, вероятно, для агентов-заготовителей паспортный режим — не препятствие.

С 1948 г. количество позиций, по которым велись заготовки, ежегодно увеличивалось и достигло 18 (включая зерно, мясо, яйца, картофель, различные виды овощей, шерсть, кожи, пух-перо, конский волос, кишечное сырье, шетина, плоды фруктовых деревьев, сено, семена многолетних трав, а также пушнину и меховое сырье, количество которых измерялось не в натуре, а в рублях)¹⁶. Пушнина и меховое сырье должны были заготавливаться охотниками, хотя в дальнейшем в области наладилось свое звероводство, однако с планами заготовок на рубеже 1940–50-х гг. область не справлялась.

Деятельность райуполнминзагов и их агентов в районах свидетельствует о том, что главную задачу они видели во вручении извещений гражданам и правлениям колхозов, а также разъяснительной работе по обеспечению поставок. Более того, фактически признавалось наличие двух систем учета поставляемой продукции: по принятому плану и по врученным обязательствам. Последние показатели были всегда выше, так как разверстка делалась по факту наличия облагаемой базы. Извещения должны были вручаться лично, однако штаты и транспорт были таковы, что проще было принести их в поселковый магазин и оставить там для получения по мере прихода. Инспектора обнаруживали целые пачки не врученных обязательств: именно магазины и лавки чаще всего и выступали в роли тех самых заготпунктов, если

¹⁴ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

¹⁵ Там же. Л. 250.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 116. Л. 3.

дело касалось картофеля, овощей или яиц. Для заготовки мяса требовалось построить еще и бойни.

Основной объем государственных заготовок молока и мяса (порядка 60–70 %) приходился на совхозы двух государственных трестов. Объем того, что должны были сдать индивидуальные хозяйства колхозников и рабочих совхозов, составлял от 5 до 10 % заготавливаемого мяса и молока. Однако именно на владельцев приусадебных хозяйств направлялась основная активность продавцов, вносивших в отчеты как недоимщиков даже тех, за которыми числился десяток литров молока по итогам года¹⁷.

Архивные документы с трудом позволяют судить, что собой представляли заготовители той поры: были ли это кровожадные чиновники или все же люди с пониманием того, в какой ситуации находятся граждане; чем объяснялось их рвение или недостаток такового. Государство поощряло наиболее активных. Показательным может быть история одного из таких работников, Т.В. Братухина: весной 1949 г. он попадает в приказ как халатно относящийся к своим обязанностям, но уже к 1 мая его премируют как перевыполнившего план. Через год ему объявляют выговор за то, что он не явился как представитель истца (государства) по пяти делам на суд по взысканию недоимок, прислав за себя представителя. Но к 7 ноября снова премируют за успешные показатели¹⁸.

Бывали и менее комичные ситуации. Необходимость сдать мясо заставляла крестьян иногда в складчину покупать корову и отдавать ее в счет обязательных поставок. Можно догадываться, какое мясо в таком случае получало государство. Однако некоторые заготовители умудрялись таким образом продать свою (не совсем кондиционную корову)¹⁹, убив даже не двух, а трех зайцев (продажа по удобной цене, собственный расчет с обязательными поставками, выполнение плана — по служебной деятельности). Такие случаи вскрывались, но многие заготовители не брезговали организовывать сбор денег с крестьян до того, как присмотрели скотину для покупки. Ясно, что фактически можно было пользоваться беспроцентным кредитом, да и проверял ли кто, сколько денег собрано, а сколько потрачено. Один такой деятель (Кочнев) собрал 1980 руб., но был ограблен, не успев купить корову²⁰.

Обязывая крестьян сдавать продукты по всей номенклатуре, государство понимало, что чего-то может быть с избытком, а чего-то не хватать. Приказы, спускаемые из центра, предлагают сложные схемы

¹⁷ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 65. Л. 71, 74.

¹⁸ Там же. Л. 21, 23, 204; Д. 65. Л. 19; Д. 66. Л. 201.

¹⁹ Там же. Д. 91. Л. 28.

²⁰ Там же. Д. 23. Л. 171.

замены свининой говядины с повышающим коэффициентом, перевода количества яиц в зерно и обратно, определения сортности кишечного сырья, которое проще было уничтожить, чем привести в кондиционное состояние. При всех послевоенных проблемах колхозов и переселенцев область справлялась с основными видами поставок: по мясу с трудом, по молоку — с перевыполнением планов. Молоком «закрывались» зачастую поставки картофеля и овощей, были даже введены соответствующие ограничения на замену²¹. Неожиданно высокие показатели заготовки шерсти в 1950 г. привели к тому, что области резко подняли плановые показатели²². При этом, не считаясь с местными условиями, предлагались завышенные планы по заготовке тонкой и полутонкой шерсти, которой в принципе получить в промышленных объемах в данных климатических условиях было невозможно, но можно было закрыть грубой с понижающими коэффициентами. Это в общем-то, и делалось, и с грубой шерстью повторялась ситуация с молоком. Правда, ресурс роста скотоводства быстро уперся в ограниченные возможности кормовой базы — пришлось вводить обязательные нормы погектарной поставки сена с коллективных и индивидуальных хозяйств.

Необходимость жить в условиях обязательных поставок учила людей приспособляться. Сдача не самого лучшего скота, подмешивание пророщенного зерна к сдаваемому, своеобразное придерживание кондиционного зерна в расчете на то, что его позволят оставить на семена выявлялись почти повсеместно²³. Вместо всей номенклатуры овостей практиковалась сдача одной только капусты²⁴.

Кумовство и взятки позволяли «случайно не учесть» ряд хозяйств, а то и целые поселки. Не было года, чтобы несколько позиций по заготовкам не требовали крутых мер воздействия за провалы по плановым показателям. В отчетах по районам постоянной графой стало списание задолженности за выбывшими колхозниками. Кто-то перебирался в город, а кто-то и возвращался в родные края. Кстати, еще больше вопросов к данному контингенту было у областной конторы сельхозбанка, обеспечивавшей кредитами на обустройство жилья и «преодоление бескоровности»²⁵. В области не было такого сдерживающего фактора, как отсутствие паспортов у колхозников: все прибывающие сюда переселенцы обязательно получали его при отправке в пограничную зону.

²¹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 40. Л. 65.

²² Там же. Л. 51.

²³ Там же. Д. 66. Л. 148.

²⁴ Там же. Д. 93. Л. 50.

²⁵ Там же. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 26.

Послабления, сделанные всем селянам в 1953 г. на Калининградской области почти не сказались. То, что могло быть списано, списали (это практиковалось и ранее). Ни колхозы с совхозами, ни подсобные хозяйства предприятий (в их число попадали в 1949–1951 гг. даже санатории, больницы и детсады²⁶) от обязательных поставок не освободили (только с горожан во второй половине 1953 г. сняли обязательства по молоку)²⁷. В дальнейшем замены и взаимозачеты молоком стали действовать без ограничений. Правда, планы по закупкам выполнялись даже хуже, чем по заготовкам, а когда по многим позициям разрешили взимать недоимки деньгами по закупочным ценам, штат заготовителей оказался ненужным (в районах его стали сокращать уже с ноября 1954 г.)²⁸. 1 марта 1956 г. областная структура Министерства заготовок прекратила свою деятельность: старший советник заготовительной службы Н.К. Горохов, руководивший ведомством бессменно с 1947 г., подписал приказ о высвобождении оставшихся работников²⁹.

Говоря о специфике деятельности заготовителей на территории новой области, нужно признать, что здесь столкнулись две взаимоисключающие тенденции в аграрной политике: помочь льготами переселенцам и в то же время поскорее наладить налоговую отдачу. Государство, понимая, что новый край нужно обживать, и это требует определенных усилий, хотело воспитать в советском духе и его сельское население. Поэтому считать заготовки позднего сталинизма существенной проблемой для жителей можно, но возводить ее в абсолют не следует. В конце концов, и практика наказаний была не такой уж жесткой: само пребывание в Калининградской области рассматривалось сродни высылке в не самые благоприятные районы страны. К тому же, креативность переселенцев проявлялась не только в способности наладить хозяйство, но и в готовности уменьшать налоговое бремя.

Литература

1. История сельского хозяйства Калининградской области. 1945 – 2006 / Отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград, 2006.
2. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

²⁶ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-118. Оп. 5. Д. 118. Л. 92.

²⁷ Там же. Д. 140. Л. 207.

²⁸ Там же. Л. 261.

²⁹ Там же. Д. 186. Л. 36.